

Людмила Николаевна Жукова¹
zjukova@mail.ru

ЛАНДШАФТНЫЙ КОД «ЗЕМЛЯ» В ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНОСИМВОЛИКЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ

В статье продолжено исследование памятников истории Северо-Восточной Азии в контексте этнографических материалов одулов (лесных юкагиров) — локальной группы пеших охотников и рыбаков Верхней Колымы. Цель работы: конкретизация отдельных малоизученных элементов одульской культуры. Задачи: анализ культовой деятельности на территории расселения в дискурсе ландшафтного образа «земля». Хронологические рамки охватывают период II — начала III тыс. н.э. Затрагиваются вопросы многообразия мест памяти и языческих культов. В прошлых веках площадки ежегодных общеплеменных сборов имели локальную привязку и располагались вне поселений, с 1992 г. регулярные съезды всех территориальных групп юкагиров Восточной Сибири происходят в заранее выбранном пункте компактного расселения. У народа-язычника отправление родовых, промысловых и прочих обрядов осуществляется с привязкой к природным объектам вне стационарных культовых архитектурных сооружений и территориально рассредоточено. Единственно известное обрядовое очистительное сооружение имеет арочную конструкцию и временно возводится по культовому факту. В священных местах почитание предков по мужской и женской линиям натурализовано через растительный код. Сакральные ландшафты с объектами языческого поклонения сформировались в период функционирования полноценной традиционной культуры. В работе применяется комплексный междисциплинарный подход, использованы полевые материалы автора (1986—2007). Предлагаются рекомендации по сохранению и стимулированию этнокультурных процессов. **Ключевые слова:** Северо-Восточная Азия, пешая аборигенная культура, места памяти, культ предков, общеплеменные празднества, рекомендации.

Lyudmila N. Zhukova¹
zjukova@mail.ru

LANDSCAPE CODE “LAND” IN THE TRADITIONAL ETHNIC SYMBOLISM OF FOREST YUKAGIRS OF THE UPPER KOLYMA

Research continues on the historical monuments of Northeast Asia in context ethnographic materials of the Oduls (forest Yukaghirs), a local group of foot hunters and fishermen in the Upper Kolyma. The purpose of the work: to concretize certain little-studied elements of Odul culture. Objectives: analysis of cult activities on the territory of settlement in the discourse of the landscape image “land”. The chronological framework covers the period 2nd — beginning of the 3rd millennium. The issues of diversity of places of memory and pagan cults are touched up on. In past centuries,

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

sites for annual tribal gatherings had a local connection and were located outside the settlements; since 1992, regular congresses of all territorial groups of Yukaghirs in Eastern Siberia take place at a pre-selected point of compact settlement. Among the pagan people, clan, trade and other rituals are performed with reference to natural objects outside of stationary religious architectural structures and are geographically dispersed. The only known ritual purification structure has an arched structure and is temporarily erected for a cult. In sacred places, the veneration of male and female ancestors is naturalized through the plant code. Sacred landscapes with objects of pagan worship were formed during the period of functioning of a full-fledged traditional culture. A comprehensive interdisciplinary approach is used and the author's field materials are used (1986—2007). Recommendations are offered for the preservation and stimulation of ethnocultural processes.

Keywords: Northeast Asia, walking aboriginal culture, places of memory, ancestor cult, tribal festivals, recommendations.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Статья является продолжением исследований автором геопространственного кода «земля/тайга» в традиционной культуре пеших собаководов-юкагигов (самоназвание — *одул*) Верхней Колымы [5]. Мироззренческий ракурс расширен за счёт привлечения объектов культурной географии и маркеров сакрального пространства.

Вопросы значимости геопространственных символов в кочевых культурах оленеводов (тундровых юкагигов, эвенов и эвенов), коневодов (саха), лесных юкагигов изложены в коллективной монографии «Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы», изданной Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в 2023 г. В монографии автором статьи подготовлена глава 2.3. «Ландшафтный код „вода“ в культурной памяти охотников и рыболовов Верхней Колымы» [6]. Одульские языческие стихии «вода» и «земля» традиционно функционируют в качестве кормящих, транспортных и ориентирующих в пространстве. В реальном и мифоритуальном контексте стихии обладают качественными отличиями, отдельным аспектам которых посвящена статья. В методологическом и теоретическом планах авторский коллектив монографического исследования опирался на работы ведущих отечественных этнологов [2; 4; 9], та же методологическая база актуальна для настоящей статьи.

В прошлом ландшафтный код *лэбиэ* «земля», *уйлоол лэбиэ* «родная земля, родина» у пеших таёжных охотников Восточной Сибири был представлен неограниченными лесотаёжными пространствами, из которых древний человек получал необходимые для материальной жизни дерево, горные ресурсы — для изготовления каменных орудий труда, сооружения укрытий, создания наскальных росписей. Все части добытых животных, в особенности крупных копытных, удовлетворяли самым разнообразным нуждам и потребностям (питание, изготовление одежды, покрытие каркасных жилищ, производство орудий труда и проч.). Умение добывать огонь и постоянно его поддерживать для приготовления еды, отопления, освещения жилищ и иных целей (борьба с хищным зверем, сигнальная функция и проч.) наряду с приручением волка были важными открытиями и приобретениями палеолитического времени. В раннем голоцене с установлением современных геоклиматических природных условий формировались основные ландшафтные коды культурной географии «земля» и «вода». В пределах своего «кормящего ландшафта» индивидуальными и коллективными усилиями охотники добывали средства к существованию родоплеменных групп. Смена тёплого и холодного периодов вынуждала человека к сезонным адаптациям годового хозяйственного цикла (ГХЦ), типов транспорта, одежды, жилищ, инструментария. Сложившийся в голоцене многозначный геокультурный образ

«земля» органично вошёл в обрядовую и праздничную культуру юкагиrow. В научной литературе и мемориальной памяти народа запечатлены места памяти и культа, празднества традиционные и новые, возникшие в XX — начале XXI в.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Единственным известным массовым календарным празднеством лесных юкагиrow в конце XIX — начале XX в. являлся общеплеменной сбор, знаменовавший начало нового годового цикла. Время его проведения приурочено к первой половине лета, описание празднества оставили участник нескольких научных экспедиций к народам Северо-Восточной Азии, политический ссыльный В.И. Иохельсон [11, с. 265, 267] и советский учёный, писатель, верхнеколымский юкагир Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) [17, с. 41—43].

Мест для регулярных летних сборов отдельных кочевых родовых групп было, по-видимому, несколько, что можно заключить из комментария В.И. Иохельсона к тексту № 28: «*Шахадэбо* или *шахаджибэ* (от: *шахалъаа* „собраться“ [15, с. 364]. — Л.Ж.) назывались у древних юкагиrow места на р. Колыме, где летом собирались те или другие роды (или группы семей), спускавшиеся на плотках с различных притоков Колымы» [10, примеч. 18 к № 28]. На место собрания и игр съезжались в конце июня, около Петрова дня [11, с. 265, 267] (Петров день — 29 июня ст. ст., 12 июля нов. ст.). По Н.И. Спиридонову (Тэки Одулок), *шахадьибэ* называлось место проведения большого общеплеменного сбора юкагиrow разных притоков Верхней Колымы (р. Ясачная, Коркодон, Шайдан и проч.) в начале июня в районе устья р. Ясачной. Вероятно, слова *шахадэбо/шахаджибэ/шахадьибэ* являются универсальными названиями сборов юкагирского населения Верхней Колымы разного уровня (родовых, племенных, межплеменных).

Весной после освобождения рек ото льда на лодках и плотках родовые группы с притоков Верхней Колымы съезжались к р. Прорве (протока-виска, соединяющая р. Ясачную с Колымой). Ритуальное место сбора (существовало до 1911 г.)

носило название *Ульуба Чорба* — «Травяная поляна». «Каждый год на Петров день, 12 июля, в этом месте возле р. Прорва собирались юкагиры и в течение трёх дней пели песни и танцевали» [14, с. 25]. Затем перемещались к находящемуся неподалёку селению под названием Верхнеколымская крепость, где уплачивали ясак, совершали христианские обряды, торговали, здесь юкагиры могли задержаться до конца июля — середины августа. Колымский краевед Н.Н. Берёзкин писал в 1920—1930-х гг.: «Юкагиры выходят из Нелемного — места зимовки — в феврале вверх по рекам Ясачной, Поповой, Колыме и др., где попутно охотятся на зверя, преимущественно на диких оленей и белок. Здесь в верховьях этих рек, вернее, в местах произрастания тополя и осины, они останавливаются, строят лодки и ветки и в первых числах июля сплывают на сделанных лодках к Верхнеколымску. Тут продав часть лодок и веток, разъезжаются по разным тоням на промысел рыбы и на место зимовки — Нелемное — съезжаются в начале сентября» [1, с. 90].

Наши полевые материалы показывают начало общего сбора у р. Прорвы в конце мая (сообщение Е.Н. Дьячковой (1914—2009) [ПМА]). Разброс дат начала и длительности празднества объясняется различием расстояний, которые приходилось преодолевать спускавшимся по притокам юкагирским флотилиям. Естественно, семьи, кочевавшие вблизи Верхнеколымской крепости, приезжали раньше других, а жившие на самых отдалённых реках (Коркодон, Шайдан) преодолевали расстояния до 1000 км, поэтому празднество начиналось с прибытием всех участников. Кроме того, существует разница в датах по старому и новому стилю².

Другое место летних сборов ясачных юкагиrow располагалось южнее устья р. Ясачной на высоком берегу р. Колымы и называлось «Шаманский камень». На вершине имелось ровное пространство, куда съезжались весной до полного таяния снега юкагиры, даже с низовий

² *Луэ* — «лето», одно из шести времён года юкагиrow, по православному календарю имело продолжительность от Акулины Комарницы (13 июня) до Рождества Богородицы (8 сентября) [10, примеч. 1 к № 28]. Даты даны по ст. ст.

Колымы. Нижнеколымские группы прибывали на собачьих нартах и лыжах, а возвращались в свои селения летом на плотах [13, с. 187]. По-видимому, это были родственные ясачным одулам племена, ещё не знавшие оленеводства. Тот же колымский краевед Н.Н. Берёзкин собрал материалы о переселении юкагигов Центральной Якутии на Нижнюю Колыму, р. Омолон, Алазея, Анжой (предположительно в начале II тыс. н.э.). Потеснив аборигенные юкагирские племена, переселенцы появились и на Верхней Колыме. «Юкагиры Омолона составляли один Ушканский род. Все люди его с исстари занимаются рыболовством, звероловством и поделкой карбасов» [МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, 21], те же промыслы представители Ушканского (Заячьего) рода сохранили на Верхней Колыме. О происхождении одульского Заячьего рода в результате кровосмесительного брака брата и сестры повествует сказка из цикла о древних людоедах [13, с. 134—136, 339—343].

Продолжителен был путь нижнеколымских юкагигов к устью р. Ясачной (левый приток Верхней Колымы) по весеннему насту и в обратном направлении на плотах, равно как и весенне-летние кочёвки коркодонских и других верхнеколымских юкагигов, спускавшихся, а затем поднимающихся на лодках по многолетнему

циклическому маршруту: места зимовок по разным притокам — Верхнеколымская крепость — места зимовок. В.И. Иохельсон запечатлел летнее селение юкагигов на р. Коркодон (рис. 1), видны три дома и 30 человек (13 мужчин, 17 женщин и детей), ориентировочно в каждом доме проживали по 10 чел. Мужчины занимаются спортивными играми, женщины и дети наблюдают [13, с. 503, табл. 20, рис. 1]. Вероятно, на фото фрагмент летней встречи родственных групп. Возрождение традиции межплеменных *шахадыбэ* ведёт отсчёт времени с июня 1992 г., когда в с. Нелемное, месте компактного расселения одулов р. Ясачной, состоялся первый съезд юкагигов Восточной Сибири (рис. 2). Автором статьи в составе оргкомитета съезда был разработан сценарий ритуала «Встреча Солнца», одобренный старейшинами села, они же приняли участие в его осуществлении [8, с. 164].

Другое значимое празднество лесных юкагигов приходилось на осень, название его неизвестно. Прикочевав по реке к зимним стационарным жилищам, одулы проводили родовые празднества, связанные с рыбной ловлей. В жертву через повешение приносили собак, лебедя, гуся и глухаря, данные ритуалы сопровождались закликаниями. В зимних жилищах для умилоствления домовых духов

Рис. 1. Летнее селение юкагигов на р. Коркодон [13]

Рис. 2. Участники 1-го съезда юкагиров. Слева направо: П.Г. Курилова (Нижняя Колыма), В.Г. Шалугин (с. Нелемное), А.Г. Вырдылина (Нижняя Колыма, с. Андрюшкино). 1992 г., с. Нелемное [ПМА]

натирали жиром потолок, дверную перекладину, произнося соответствующие заклинания [13, с. 220]. В советское время такого открытого осеннего жертвоприношения не было, «сохранилось „кормление“ огня, т.е. бросание в огонь пищи, пряностей и т.д., а также пляски и пение — знак радости и благодарности духам воды и рыбы» [17, с. 43]. Те же знаки радости сопровождали летний общеплеменной сбор: «На *шахадьибэ* этот удивительно жизнерадостный полярный народ проводил время в пении, плясках, играх и состязаниях. Шаманы производили камлания, приносили жертвы духам, *хангичэ* („охотники“. — Л.Ж.) рассказывали о промысле, воины о военных подвигах» [11, с. 265]. Других крупных празднеств у лесных юкагиров не зафиксировано.

Обращают на себя внимание два знаковых обряда, совершаемых коллективно возле зимних поселений перед выходом семей в кочёвку (весной) и при возвращении из неё (осенью). Очистительные, испрашивающие удачу и благодарственные обряды связаны с временными арочными конструкциями. Арки с прямым верхом сооружались из подручных материалов, затем приносили ритуальные жертвы [10, примеч. 5 к № 50; 13, с. 293; 19, с. 53]. Под аркой проходили все члены рода; точных календарных дат эти обряды не имели. Та же символика наблюдается при вселении в зимние жилища: жертвование жира потолку и дверной перекладине семантически воспроизводит умиливание верхних сил пантеона. Вероятно,

аналогичные обрядовые действия с сооружением арок осуществлялись в начале и при завершении летнего праздника, атрибутика которого не вполне ясна. На первом съезде юкагиров в июне 1992 г. в канву обряда «Встреча Солнца» была включена изготовленная из дерева стационарная лучистая арка, под которой прошли все участники и гости праздника (рис. 3). Прототипом арочной конструкции в сочетании с косым крестом послужили наскальные графемы лучистого небесного божества писаниц средней Лены периода позднего неолита — бронзового века [8, с. 167, табл. III, рис. 3а, б].

Рис. 3. Арка, сооружённая для обряда «Встреча Солнца», 1-й съезд юкагиров [ПМА]

В конце XIX — начале XX в. на Верхней Колыме существовало много сакральных мест культа и памяти. В.И. Иохельсон [13, с. 239] писал: «В память о своих предках-шаманах древние юкагиры обычно развешивали на деревьях, расположенных у горных троп, устьев рек или вблизи охотничьих угодий, изображения человеческой фигуры». Крупные культовые фигуры *шаан шоромо* «деревянный человек» рассматривались как языческие «иконы» предков — покровителей, родоначальников, помощников в промысле и других делах, к ним обращались с просьбами, приносили жертвы. В советское время изготовление *шаан шоромо* не практиковалось.

Трансляция древней традиции почитания особых деревьев сохраняется у современных одулов. Местами памяти и культа предков являются старые деревья, лиственницы на родовых землях. Это так называемые *орплубаа* «что-то висит». Человек, взобравшись на ещё молодое дерево, обламывал ветки на верхушке так,

чтобы получилась антропоморфная фигура с «головой», «шеей» и «руками». Считалось, что дереву передавался «дух» этого человека, впоследствии оно мыслилось его воплощением. *Орполубаа* предков периодически посещались, к ним обращали просьбы. Можно полагать, что *орполубаа* дублировали функции *шаан шоромо* (*орполубаа* — образ предка по материнской линии, известен фольклорный образ женского рукотворного «дерева с концом-невидимкой» [10, № 5], *шаан шоромо* — иконография предка по мужской, шаманской линии), оба культовых нарратива связаны с растительностью. В XX в. *орполубаа* явились функциональными заместителями *шаан шоромо*, их стали оставлять мужчины. Об ослаблении традиции свидетельствует разрешение изготавливать *орполубаа* посетителям села, так, при консультировании одулов автору статьи было предложено оставить *орполубаа* на берегу р. Ясачной (рис. 4).

Рис. 4. *Орполубаа* [ПМА]

Существовали труднопроходимые участки суши, для благополучного преодоления которых приносили дары духам местности, их обиталищем считались особо отмеченные природные объекты — скалы, одиноко стоящие деревья. На обширной территории кочевания одулов особым почитанием пользовались каменные останцы причудливых форм, об их зооантропоморфном происхождении слагали легенды [10, № 34]. Так, о Столбовой (Толба) на верхней Колыме ассоциирован со сказочным великаном-людоедом, его домом и семьёй [16, с. 211, 219].

На современной территории проживания верхнеколымских юкагигов места исполнения языческих культов присутствуют повсеместно. Промысловики в силу полученных от предков мифопоэтических представлений о хозяевах Земли и отдель-

ных её участков продолжают пользоваться приёмами древней промысловой магии. Приносят жертвы Хозяину Земли как общему владельцу этнической территории, хозяевам отдельных участков, водоёмов. При этом «кормят» огонь, жертвуют еду, копейки, патроны и прочее отдельным деревьям, пням, скалам, старым домам, которые мыслятся обиталищами невидимых духов. Так поступают охотники, рыболовы, сборщики ягод и вообще любые путники. По рассказам промысловиков, хозяева мест могут присниться и донести некую информацию. К категории культовых мест относятся сохранившиеся языческие захоронения, в том числе шаманские.

В прошлом этнические земли пеших охотников на лося и рыболовов были обширны и включали территорию Центральной и Южной Якутии. Здесь почитанием пользовались скалы с рисунками, выполненными красной охрой. Наши исследования привели к заключению, что наскальные культовые графемы периода позднего неолита — бронзового века бассейна Средней Лены имеют продолжение в сакральном образном мире юкагирского искусства и его цветосимволике. Параллелизм основных сюжетов, знаковое сходство ленских писаниц и образцов юкагирского прикладного искусства конца XIX — XX в. несомненны, и это позволяет утверждать, что часть древних рисунков оставлена праюкагирами. Смысловая составляющая неолитических графем вселенной сохранилась при переносе её с монументальных носителей (писаниц) на мобильные (одежду) в период значительных подвижек населения на территории Восточной Сибири в начале эпохи металлов и средневековья [7].

С распространением христианства со второй половины XVII в. при усечённом функционировании традиционного календаря [17, с. 54—55; 13, с. 84—86] одулы стали пользоваться общероссийским календарём и отмечать православные праздники. Памятниками этого времени являются ранние православные могилы. В советское и постсоветское время появились профессиональные праздники «День охотника», «День рыбака», «День коренных народов» и проч.

Территории ежегодных летних сборов *Ульуба Чорба* и «Шаманский камень» перспективны для археологических исследований. К местности *Ульуба Чорба* периодически прикочёвывало значительное число юкагиrow Верхней Колымы, часто остававшихся там на длительное проживание. В первой половине XVIII в. в Верхнеколымскую крепость платили ясак 43 взрослых юкагиrow-мужчины, согласно подсчётам В.И. Иохельсона, каждый взрослый мужчина имел семью из трёх человек (жена, ребёнок, старик), в таком случае число плательщиков умножается на 4, в результате получаем общее число верхнеколымских юкагиrow — 172 чел. [13, с. 105]. Конечно, были семьи с одним ребёнком и бездетные, но чаще имели более двух детей, кроме того, семьи включали одиноких старух, сестёр и других членов, в таком случае умножить предлагается не на 4, а на 5 с приблизительным результатом 215 чел. К концу XIX — началу XX в. из-за инфекционных болезней и частых голодovok число жителей сократилось. Предпринятая В.И. Иохельсоном в 1900 г. перепись юкагиrowского населения (р. Ясачная, Нелемная, Коркодон, Омолон и Анадырь) показала число имеющих ездовых собак 239 чел. [13, с. 106; 12, с. 227]. В конце 1920-х гг. только на двух притоках р. Колымы (р. Ясачная и Коркодон) проживали 136 оduлов [17, с. 25, 26]. Вероятно, площадь коллективного праздника в районе устья р. Ясачной, где проводились массовые мероприятия (деловые, культовые, спортивные, песенно-танцевальные) с временно возведёнными жилыми и хозяйственными постройками, с учётом потенциально прибывающих гостей из других местностей должна быть значительной, не менее чем для 100 чел.

Неизвестно время возникновения традиции общеплеменных/родовых сборов, в фольклоре упоминания о них редки и маловыразительны: «...зима кончилась, лето настало. Все вместе собрались на одном месте» [10, № 28]. Спускавшихся по реке на лодках и плотах юкагиrow рассказчик метафорически описывает: «точно земля плыла (так много)» [10, № 28].

Территория расселения юкагиrow в прошлом была обширна. Литературная версия исторического предания «Омоки (забытая

легенда)» описывает древнее празднество на средней Лене с прибытием юкагиrow верхней, средней и нижней Лены [18]. Празднество было последним накануне сражений южных юкагиrowских племён с пришлыми завоевателями и последующим отходом в северном и северо-восточном направлениях. Ориентировочное время описываемых событий приходится на конец I — начало II тыс. н.э. Известно, что в древние времена юкагиrow Омолон, Анюя и других рек бассейна Колымы устраивали летние сборы с организацией общих игр (*лододьал*). Место таких сборов называлось *шахадьибэ* «место для сборов» [13, с. 187]. На рис. 1, вероятно, запечатлён фрагмент *лододьал* на р. Коркодон.

Таким образом, выявляется несколько функциональных центров (Средняя Лена, Верхняя и Нижняя Колыма), ежегодно демонстрировавших этническую консолидацию юкагиrow. Кочевые пешеходные маршруты локальных юкагиrowских групп в раннее историческое время обнаруживают фактор устойчивой челночной мобильности населения в пределах бассейнов крупных водных артерий. Источники показывают, что расстояния и ландшафтно-географические условия локальных селений тех или иных родоплеменных групп не имели существенного значения, удалённые кочёвки к местам общеплеменных сборов могли составлять сотни километров. В настоящее время памятные места юкагиrowских празднеств нуждаются в топографической фиксации и мемориализации. Сегодня вопрос возобновления их культовой ретрансляции не ставится, поскольку реконструированные празднества (регулярные съезды) имеют иной алгоритм организации.

Сборы *шахадьибэ* разного уровня, вероятно, носили регулярный характер. Дополнительную информацию о глубине исторической памяти *шахадьибэ* могут дать археологические работы на местах празднеств, которые позволят выявить, насколько мощными окажутся культурные напластования, а также установить их раннюю датировку. В настоящее время активные контакты между территориально удалёнными племенными группами р. Яны, Индигирки, Колымы, Магаданской области, Чукотки и г. Якутска осуществляются 1 раз в 3—8 лет в форме съезда юкагиrow

Восточной Сибири, а также на виртуальных площадках интернета. Регулярны общественно-политические и культурные мероприятия (заседания Совета старейшин, Ассоциации юкагиров, календарные праздники, съезды педагогической общности, смотры творческих коллективов, презентации и проч.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Панорама геокультурного ландшафта Верхней Колымы в ментальной памяти лесных юкагиров рассмотрена с позиций ретрансляции культурного кода «земля» у пеших номадов-собаководов. Большая часть мест памяти и культа наполнена языческим мирозерцанием и почитанием предков, время их возникновения относится к периоду функционирования полноценной традиционной культуры со следами ранних иноэтнических заимствований (об этом см.: [5]), в дальнейшем усилилось тунгусско-якутское, русско-христианское влияние. У народа-язычника отправление многих обрядов осуществлялось с привязкой к разнообразным природным объектам без стационарных архитектурных сооружений и было территориально рассредоточено. На сакральных площадках могли находиться символические фигуры предков по мужской или женской линиям (*шаан шоромо* и *ор-полубаа*), старые покинутые жилища, захоронения, иные следы пребывания значимых личностей или места исторических событий. Как правило, предполагались эпизодические посещения сакрализованных участков и жертвоприношения. Исключение составляли два регулярных ежегодных праздника — летнее и осеннее, имевшие определённую хронологическую и территориальную привязку: это места коллективных сборов в ознаменова-

ние начала нового годового цикла и время вселения в зимние стационарные жилища. Духовное наследие, берущее исток в прошлых эпохах, в конце XX — начале XXI в. обнаружило возросший интерес самих носителей культуры и тенденцию к возрождению. Наблюдающийся ретрансляционный процесс является предметом отдельного исследования, ибо «память культуры представляет собой не накопление и неподвижное хранение информации, а механизм активного и постоянно нового моделирования, хотя и обращённого в историческое прошлое» [3, с. 122].

Площадками для периодических общеплеменных сборов, теперь функционирующих в статусе съездов всех территориальных групп юкагиров Восточной Сибири, являются поселения компактной консолидации в каком-либо заранее выбранном населённом пункте Республики Саха (Якутия). Для выработки общенациональных и локализованных родовых символов актуальны вопросы воссоздания культовой и праздничной атрибутики. Наскальные петроглифы Средней Лены и Южной Якутии — памятники праюкагирской культуры — рассматриваются как важный источник для изучения и реконструкции древней истории народа. В этих древних росписях берут истоки пикто- и идеографическая письменность одулов, изобразительное и орнаментальное искусство, культовые абрисы предков. Древнее монументальное наскальное искусство периода неолита — бронзового века является бесценным источником и должно питать современную этносимволику. Базовый многофункциональный геосимвол «земля» пеших охотников-собаководов в рассмотренном в статье ракурсе не потерял актуальность и будет востребован при сохранении традиционного специфического промыслового хозяйственного цикла и языческого многобожия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берёзкин Н.Н. Колымский округ, его промышленно-экономическая жизнь // Якутский архив. 2011. № 3. С. 82—108.
2. Буровский А.М. Евразия — пространство, коммуникации и информация // Homo Eurasicus в системе социальных коммуникаций: VI всеросс. науч.-практ. конф. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 3—34.

3. Габышева Л.Л. Фольклорный текст. Семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
4. Головнёв А.В. Арктическая мобильность: технологии и стратегии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 7—11.
5. Жукова Л.Н. Геопространственный образ земля/тайга в культурной географии лесных юкагиров: от древности к современности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3. С. 20—30.
6. Жукова Л.Н. Ландшафтный код «вода» в культурной памяти охотников и рыбаков Верхней Колымы // Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы / колл. монография под общ. ред. д.и.н. Е.Н. Романовой и к.и.н. Н.К. Даниловой. Новосибирск: Наука, 2023. С. 106—146.
7. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. I. Одежда юкагиров: генезис и семантика. Новосибирск: Наука, 2009. 152 с.
8. Жукова Л.Н. Религия юкагиров // Очерки по юкагирской культуре. Якутск: Бичик, 2013. Ч. 3. С. 89—175.
9. Замятин Д.Н. Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2018. С. 28—37.
10. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 270 с.
11. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Известия Русского географического общества. СПб., 1898. Т. 34. Вып. 3. С. 255—290.
12. Иохельсон В.И. Юкагиры и чуванцы / пер. с англ. К.С. Ефремов // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1994. Вып. 3. С. 227—230.
13. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
14. Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы северо-востока Азии. Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2013. 96 с.
15. Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
16. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). На Крайнем Севере // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере; Николай Тарабукин. Моя жизнь; Джанси Кимонко. Там, где бежит Сукпай. Якутск: Кн. изд-во, 1987. С. 96—236.
17. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
18. Ытык-Кельский В. Омоки (забытая легенда) // Якутские зарницы. 1927. № 1. С. 22—28.
19. Юкагиры. Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.
20. МАЭ РАН (Арх. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого).
21. ПМА (Полевые материалы автора).

REFERENCES

1. Berezkin N.N. Kolymskiy okrug, ego promyshlennno-ekonomicheskaya zhizn' [Kolyma District, Its Industrial and Economic Life]. *Yakutskiy arkhiv*, 2011, no. 3, pp. 82—108. (In Russ.)
2. Burovskiy A.M. Evraziya — prostranstvo, kommunikatsii i informatsiya [Eurasia — Space, Communications and Information]. *Homo Eurasicus v sisteme sotsial'nykh kommunikatsiy: VI vseross. nauch.-prakt. konf.* [Homo Eurasicus in the System of Social Communications: VI Russian Scientific-Practical Conference]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2015, pp. 3—34. (In Russ.)
3. Gabysheva L.L. *Fol'klornyy tekst. Semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore Text. Semiotic Mechanisms of Oral Memory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 143 p. (In Russ.)

4. Golovnev A.V. Arkticheskaya mobil'nost': tekhnologii i strategii [Arctic Mobility: Technologies and Strategies]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2015, no. 4, pp. 7—11. (In Russ.)
5. Zhukova L.N. Geoprostranstvennyy obraz zemlya/taiga v kul'turnoy geografii lesnykh yukagirov: ot drevnosti k sovremennosti [Geospatial Image of Land/Taiga in the Cultural Geography of the Forest Yukaghirs: from Antiquity to Modernity]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2023, no. 3, pp. 20—30. (In Russ.)
6. Zhukova L.N. Landshaftnyy kod «voda» v kul'turnoy pamyati okhotnikov i rybolovov Verkhney Kolymy [Landscape Code “Water” in the Cultural Memory of Hunters and Fishermen of the Upper Kolyma]. *Landshaft i kul'tura narodov Yakutii: sakralizatsiya, simvolicheskie strategii, geokul'turnye obrazy* [Landscape and Culture of the Peoples of Yakutia: Sacralization, Symbolic Strategies, Geocultural Images]. Collective monograph, general ed. by Doctor of Historical Sciences E.N. Romanova and Candidate of Historical Sciences N.K. Danilova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2023, pp. 106—146. (In Russ.)
7. Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Ch. I. Odezhdya yukagirov: genezis i semantika* [Essays on Yukaghir Culture. Part I. Yukaghir Clothing: Genesis and Semantics]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 152 p. (In Russ.)
8. Zhukova L.N. Religiya yukagirov [Religion of the Yukaghirs]. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on Yukaghir Culture]. Yakutsk, Bichik Publ., 2013, part 3, pp. 89—175. (In Russ.)
9. Zamyatin D.N. Geokul'turnoe prostranstvo Arktiki: ontologicheskie modeli voobrazheniya [Geocultural Space of the Arctic: Ontological Models of Imagination]. *Geokul'tury Arktiki. Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic. Methodology of Analysis and Applied Research]. Moscow, Kanon+ Publ., 2018, pp. 28—37. (In Russ.)
10. Iokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the Study of the Yukagir Language and Folklore Collected in the Kolyma District]. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 270 p. (In Russ.)
11. Iokhel'son V.I. Po rekam Yasachnoy i Korkodonu. Drevniy i sovremennyy yukagirskiy byt i pis'mena [Along the Rivers Yasachnaya and Korkodon. Ancient and Modern Yukagir Life and Writings]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Saint Petersburg, 1898, vol. 34, iss. 3, pp. 255—290. (In Russ.)
12. Iokhel'son V.I. Yukagiry i chuvantsy [Yukaghirs and Chuvans]. Translated from English by K.S. Yefremov. *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri* [Language — Myth — Culture of the Peoples of Siberia]. Yakutsk, Izd-vo Yakut. un-ta Publ., 1994, iss. 3, pp. 227—230. (In Russ.)
13. Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [Yukagirs and Yukagirized Tunguses]. Translated from English by V.H. Ivanov and Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 675 p. (In Russ.)
14. Kurilov Yu.G. *Yukagirskie toponimy severo-vostoka Azii* [Yukagir Place Names of Northeast Asia]. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2013, 96 p. (In Russ.)
15. Prokop'eva P.E., Prokop'eva A.E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian Dictionary (Language of the Forest Yukaghirs)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2021, 412 p. (In Russ.)
16. Spiridonov N.I. (Teki Odulok). Na Kraynem Severe [In the Far North]. *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego. Na Kraynem Severe; Nikolay Tarabukin. Moya zhizn'; Dzhansi Kimonko. Tam, gde bezhit Sukpay* [Teki Odulok. Life of Imtheurgin the Elder. In the Far North; Nikolay Tarabukin. My Life; Dzhansi Kimonko. Where Sukpai Runs]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1987, pp. 96—236. (In Russ.)
17. Spiridonov N.I. (Teki Odulok). *Oduly (yukagiry) Kolymского okruга* [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 80 p. (In Russ.)
18. Ytyk-Kel'skiy V. Omoki (zabytaya legenda) [Omoki (Forgotten Legend)]. *Yakutskie zarnitsy*, 1927, no. 1, pp. 22—28. (In Russ.)
19. *Yukagiry. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Yukagirs: a Historical and Ethnographic Essay]. Ed. by A.P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 244 p. (In Russ.)